

В итоге Тан Шоу отказался от идеи делать лапшу с подливой и приготовил горячую лапшу в бульоне. Все одиннадцать яиц, что удалось выменять, он разбил туда — не пожалел.

Горячая, исходящая паром лапша была покрыта мелкой россыпью рубленого зелёного лука, а сверху ровными рядами лежали нежные, молочно-белые яйца-пашот. Один только вид этого блюда вызывал моментальный прилив аппетита. Тан Шоу наложил себе большую чашку и ещё одну — Сюн Чжуаншаню.

Давно он не пробовал блюд собственного приготовления — и сейчас от удовольствия прищурился. Мука была только что смолота, в ней сохранялся живой аромат пшеницы — не тот, химически выведенный, как у зерна из будущего, сдобренного удобрениями и ускорителями. Этот запах был глубоким, настоящим.

А яйца... простые, но с непередаваемым вкусом. Не вскормленные комбикормом, а от домашних кур. Варёные до состояния «в сахар» — с нежно-текучим желтком внутри. Один укус — и мягкий, почти бархатный желток растекается по языку, покрывая рецепторы насыщенным, естественным вкусом. Пусть самые простые продукты, но в них была душа. Это была настоящая еда.

Пока Тан Шоу расправился со своей большой чашкой и тремя яйцами, Сюн Чжуаншань уже с шумом умял две порции и теперь сидел, отложив палочки, внимательно глядя на него.

Тан Шоу, доедая остатки лапши, спросил, не поднимая взгляда:

— Наелся?

Сюн Чжуаншань что-то невнятно промычал — Тан Шоу не разобрал. Когда он доел вторую чашку, бросил взгляд в сторону глиняного горшка: там оставалась ещё одна порция.

— Слишком много сварил, — пробормотал он. — Остынет — лапша уже будет не та.

Но Сюн Чжуаншань, не говоря ни слова, снова взял свою чашку и наложил себе третью порцию. При этом спокойно сказал:

— Не много. В следующий раз делай вдвое больше — я и столько съем.

Тан Шоу только собрался прибрать со стола, как увидел, как Сюн Чжуаншань, взяв палочки, в два движения опустошил чашку: две горсти лапши — и готово. Сваренные яйца он заглатывал по два за раз, а потом одним залпом выпил весь бульон и, не вытерев подбородок, с довольным видом вытер рот тыльной стороной руки.

А затем, будто и не ел вовсе, потянулся к остаткам свадебного угощения, которое хранилось под очагом. Горячее, холодное — всё равно. Хватал блюда по очереди и высыпал содержимое

прямо в рот, максимум — два раза жевал, и дальше. Пять тарелок он уничтожил за то же время, за которое Тан Шоу еле управился с одной порцией лапши.

Тан Шоу смотрел на него, как замороженный.

Потом Сюн Чжуаншань собрал все опустевшие чашки и тарелки, отнёс их мыть. То, что после него осталась еда — не потому, что он не мог съесть больше, а потому, что с самого начала приберёг мясо и сытные блюда для Тан Шоу. Только когда понял, что тому это не по вкусу, позволил себе доесть.

— В следующий раз готовь вдвое больше, — обернулся он. — Я и столько съем. Когда в армии был, за раз мог съесть пять цзиней говядины.

В эпоху Юй законы не запрещали убивать коров вовсе, но запрещали делать это без причины. Если животное больное или погибло от несчастного случая — тогда мясо можно было использовать, так что на рынках говядина была, хоть и не в изобилии.

Пять цзиней говядины? — у Тан Шоу перед глазами пошли звёзды. Он сглотнул — в горле пересохло. Это же не человек, а бездонный мешок! Я смогу его вообще прокормить?!

Только-только поев, он ощутил, как разогретое тело снова начинает остывать — и уже через пару минут стоял, подёргиваясь от холода.

Пусть дом Сюн Чжуаншаня и считался зажиточным, но всё же до уровня комфорта в будущем было далеко, особенно зимой. В богатых домах эпохи Юй использовали встроенные печи — дилу, или устраивали очаг прямо в полу комнаты, разжигали огонь, и вся семья собиралась вокруг. У бедных и этого не было — лишь зарывались под несколько толстых одеял, да и то руки и ноги всё равно оставались холодными.

Увидев, как Тан Шоу стоит и дрожит от холода, Сюн Чжуаншань сразу отложил мытьё посуды. В два шага он оказался рядом, легко подхватил его на руки в позу «принцессы» и прижал к себе. Тан Шоу тут же смутился — поза уж больно двусмысленная, хотелось вырваться, но больная спина не позволяла сделать это всерьёз. Да и, признаться, в объятиях Сюн Чжуаншаня было жарко — как будто к нему прижали грелку. Всё тело обволокло тёплым, мягким жаром, и сопротивление потихоньку улетучилось.

Сюн Чжуаншань уложил его на скрипучую деревянную кровать, которая от его веса тут же жалобно застонала, будто вот-вот сломается. Тан Шоу при каждом "скрипе" вздрагивал, а Сюн Чжуаншань, судя по всему, давно привык и не обращал внимания.

Он ловко стянул с него обувь, откинул полы своей короткой куртки и, не спрашивая разрешения, прижал его ледяные ступни прямо к собственному горячему животу.

Глаза Тан Шоу тут же округлились от неожиданности. Он дёрнул ногами, пытаясь вернуть их обратно, но против силы мясника это было как муха против тигра.

— Не двигайся, — Сюн Чжуаншань крепко обхватил его щиколотки, не давая вырваться.

Его живот был горячим, словно внутри действительно пылал огонь — совсем не вяжущимся с его внешне суровым, ледяным характером. Спустя пару минут холод в ногах Тан Шоу отступил, и тепло стало приятно расплзаться по телу.

— Кстати, — вдруг вспомнил Сюн Чжуаншань. — Я, когда из города возвращался, купил тебе пару ватных башмаков. Сейчас принесу, померишь, подойдут ли.

В эпоху Юй хлопок ещё не получил широкого распространения. То, что здесь называли "мяоти" — были пушистые соцветия красного капока, цветущего дерева. А привычный нам хлопок — это уже потом, из кустарникового вида, пригодного и для ткани, и для одежды. В династии Юй же настоящей хлопчатобумажной ткани не знали. Простой люд в основном носил одежду из гэ* или грубого льна. Так что пара ватных башмаков — пусть даже из капока — уже считалась редкой заботой, почти роскошью.

(ПП: гэ - □ ткань с шерстяной или хлопчатобумажной нитью в утке, напр. поплин)

Ватные ботинки могли позволить себе лишь немногие. Во всей деревне Тан Шоу почти не видел, чтобы кто-то носил такие — в основном все ходили в плотных соломенных сандалиях с несколькими слоями толстых льняных носков. Сюн Чжуаншань тоже носил такие. А теперь — купил для него, Тан Шоу, настоящие ватные ботинки мянсье.

На душе у Тан Шоу стало странно — и горько, и тепло одновременно. Словно где-то глубоко отозвалось что-то давнее: в этом суровом, колючем мире кто-то вдруг о нём по-настоящему позаботился.

Сюн Чжуаншань, убедившись, что его ноги согрелись, аккуратно уложил их под одеяло и вышел за новыми ботинками.

Пусть эти башмаки были и не особо изысканными, но по сравнению с теми, что носил сам Сюн Чжуаншань, разница была очевидна — один как господин, другой как слуга. Верх — из грубого холста, внутри — мягкий наполнитель из капока. Когда Тан Шоу надел их, обувь села в пору, и ногам мгновенно стало тепло.

— А как ты узнал мой размер ноги? — с подозрением глянул он на мясника.

Сюн Чжуаншань, видя, что тот доволен, расплылся в улыбке и, глядя на свою ладонь, честно сказал:

— Я ведь держал её.

Даже с новыми тёплыми башмаками у Тан Шоу не появилось желания выйти на улицу и пройтись. Было слишком холодно. Он снова забрался под одеяло, и к телу тут же вернулась знакомая, мучительная ломота — последствия вчерашних «волнений». Особенно тяжело было от того, что кровать здесь — это вовсе не привычная, мягкая, уютная конструкция с матрасом и пружинами, а самодельная деревянная лавка, собранная наспех. Она раскачивалась при каждом движении и оставалась такой жёсткой, что даже толстое одеяло не спасало — спина ныть начинала сразу.

— Вот бы сюда войлочный матрас... — пробормотал Тан Шоу, неосознанно вслух, вспоминая мягкие постели из своей эпохи.

Сюн Чжуаншань на миг замер, его взгляд чуть дрогнул, но он ничего не сказал.

На следующее утро Тан Шоу всё ещё валялся в постели, как вдруг услышал шум в доме. Это был не Сюн Чжуаншань — он, хоть и вставал рано, всегда ходил тихо, стараясь не разбудить его. А тут шаги, движение — явно чужие.

Его одежда была заранее согрета: Сюн Чжуаншань положил её в остывшее одеяло, чтобы к утру она стала тёплой. Тан Шоу быстро надел её, поёживаясь, влез в свои ватные ботинки и вышел из комнаты.

В доме он увидел пожилую женщину, которая всю хозяйничала, наводя порядок.

— Уже который час, а ты только встал! — с резким упрёком прозвучал голос женщины. — Это как ты, скажи на милость, мужа считаешь? Он с утра пораньше ушёл работать, а ты в тепле лежишь, даже не подумал согреть ему чего-нибудь горяченького!

Эта сварливая женщина была матерью Сюн Чжуаншаня.

В династии Юй соблюдался обычай: если родители живы — семья не делится, живут все вместе. Но почему-то Сюн Чжуаншань жил отдельно от родителей. Братьев и сестёр у него не было, так что этот разрыв был особенно заметен.

— В доме ещё остались блюда со свадебного пира, — невозмутимо ответил Тан Шоу. — Уходя, Сюн Чжуаншань должен был их разогреть и поесть.

Женщину звали Чжан, но все в деревне называли её просто — Чжан-апо (бабушка Чжан).

И вот Чжан-апо метким взглядом тут же заметила новые ватные башмаки на его ногах.

— Ай-ай-ай! А-Шань-то как тебя балует! Целые новые башмаки купил, не пожалел! А ты его ещё и по имени с фамилией зовёшь, как постороннего! — проворчала она, а потом, будто спохватилась, добавила: — И вообще, вставай пораньше и готовь ему поесть, а то совести у тебя нет!

Тан Шоу не стал с ней спорить. В конце концов, она — мать Сюн Чжуаншаня, а того сейчас дома не было. Зачем устраивать скандал?

— Пойду готовить завтрак. Вы будете есть?

Чжан-апо аж скрипнула зубами от злости. Говорила, говорила, а он всё мимо ушей пропустил!

— Не буду! — буркнула она. — Да кто ж в такое время завтракает? Все нормальные люди давно уже поели!

Тан Шоу сделал вид, что не расслышал. Яйца и муку, что вчера принёс, они уже съели. А Чжан-апо вряд ли отпустит его в деревню за новыми продуктами — всё испортит, да ещё и шум поднимет. Так что он сварил просто пшённую кашу и сделал салат из капусты. Получилось скромно, но, к его удивлению, на вкус весьма приятно.

Дом у Сюн Чжуаншаня был приведён в порядок ещё к свадьбе — тогда всё тщательно вычистили, пригласив людей. Так что грязи и беспорядка здесь не было. Чжан-апо, по сути, убирать было нечего, и в какой-то момент она просто уселась, уставившись на Тан Шоу. Сидели они вот так — глаз на глаз, как будто в немом поединке.

Чжан-апо, по неясной причине, явно имела против Тан Шоу какой-то внутренний счёт. Смотреть на него ей явно было неприятно, и от его взгляда она начинала нервничать.

— Я схожу домой, возьму кое-что. А ты сиди тихо, никуда не суйся, понял? — рявкнула она, выходя. Причём не забыла задвинуть тяжёлый деревянный засов снаружи, словно запирала не зятя, а беглого каторжника.

Тут до Тан Шоу наконец дошло, зачем вообще Сюн Чжуаншань пригласил свою мать — не доверял. Хоть он и говорил, что верит, но на деле всё равно не отпустил ситуацию. Видимо, слова Тан Шоу вчера, как бы логично ни звучали, Сюн Чжуаншань так до конца и не принял.

Чжан-апо, боясь, что если Тан Шоу сбежит, ей потом перед сыном не оправдаться, бегала туда-сюда с такой прытью, будто ей не пятьдесят лет, а двадцать пять. Даже вернувшись в дом, она тяжело дышала от быстрой ходьбы.

Тан Шоу заметил, что в её корзине лежит множество лоскутков, ниток, иголок — судя по всему, она занималась рукоделием, чтобы хоть как-то подзаработать.

Теперь, когда она принялась за дело, ей стало не до него, а Тан Шоу, разумеется, не собирался сам напрашиваться на разговор — ему спокойствие дороже.

Когда солнце подошло к зениту, а Сюн Чжуаншань всё не возвращался, Тан Шоу решил не ждать — пойти поесть без него.

— Мама, уже полдень. Я пойду готовить — вы будете что-нибудь? — вежливо спросил Тан Шоу.

Но этим вопросом он, сам того не зная, словно в осиное гнездо ткнул. Чжан-апо мгновенно взвилась:

— Ты утром встал черт-те когда, только позавтракал — и опять есть собрался?! Посмотри на себя! Где ты видел, чтобы фулан да ещё и новоиспечённый таков был: ленивый да обжора! Кто сейчас три раза в день ест?! Двух трапез хватает!

Тан Шоу опешил — ну поесть в обед захотел, с чего такая буря? А потом его будто озарило: он ведь попал в эпоху Юй, а та по развитию и культуре ближе всего к эпохе Сун в его родном мире. А в Сун простые люди ели всего два раза в день — жидкое утром, плотное вечером. Перекусы, снеки, третья трапеза — всё это было роскошью, доступной только богачам. Видимо, раньше Сюн Чжуаншань просто баловал его, позволяя есть, как он привык.

Тан Шоу сразу смекнул и поспешил поправиться:

— Я... я просто увидел, как вы с утра столько всего делали, подумал, может, вы проголодались.

Лицо Чжан-апо немного оттаяло:

— Замуж вышел — значит, стал частью семьи. Так день за днём живут, а не балуются. Даже если голоден — терпи, ешь как положено. А-Шань, конечно, способный, но и его загубить можно, если всё на него валить. Жить-то ещё сколько предстоит.

— Конечно, конечно... — заторопился с согласиями Тан Шоу, и больше ни о какой еде не заикался.

Но его организм-то жил по трёхразовому режиму. А тут — два приёма пищи. К вечеру желудок свело, сил не было. Но стоило вспомнить, как Чжан-апо отреагировала на «обед», как тут же отбило всякое желание говорить про еду или менять продукты.

Так что он просто сварил немного проса, вскипятил воды, залил ею немного солёных овощей и, прихлёбывая, съел несколько больших чашек горячей каши. Холодная еда не шла вообще, а свадебные остатки уже вызвали отвращение. Хоть так — но поел.

Неожиданно такое простое, скромное поведение Тан Шоу пришлось Чжан-апо по душе. Она с одобрением закивала:

— Вот так и должно быть. Мужчина в доме — это опора. Все эти сытные, сил придающие блюда нужно готовить, думая в первую очередь об А-Шане. Всё-таки семья на нём держится, он и деньги зарабатывает, и хозяйство тянет.

Тан Шоу не стал спорить, только покорно кивал, отмахиваясь — лишь бы не разжечь очередной спор.

Сама Чжан-апо от еды почти отказалась. Лишь макнула немного солёных овощей в бульон и съела одну-единственную чашку каши. Было видно, как её тянет поесть получше — глаза с завистью скользили по тарелкам, но она сдерживалась изо всех сил.

Тан Шоу, наблюдая за этим, невольно испытал уважение. Хоть она и была с ним холодна, даже враждебна, но к Сюн Чжуаншаню относилась с настоящей материнской заботой. Даже сейчас, когда сама едва сдерживала голод, всё лучшее — только для сына. Это невольно тронуло его.

— Мама, если вам нравится, съешьте побольше, — мягко сказал он.

— Как же так можно? — покачала головой Чжан-апо. — Мы, кто дома сидит, в силе-то не нуждаемся. Всё лучшее — тому, кто работает. А-Шань у нас — человек крепкий, сильный. Ему и питаться лучше надо.

После ужина Тан Шоу был уверен, что Сюн Чжуаншань вот-вот вернётся. Но он ждал и ждал — за окном уже сгустилась глубокая тьма, а того всё не было.

Даже Чжан-апо начала волноваться. Снова и снова распахивала дверь, выходила на крыльцо, озиралась, вглядывалась в темноту — и каждый раз, не дождавшись, возвращалась с тревогой на лице. Сюн Чжуаншаня всё не было видно.